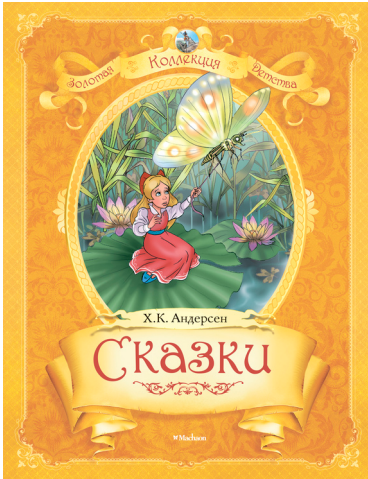

Ганс Христиан Андерсен

Сказки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3957025
Сказки: Азбука-Аммикус, Machaon; Москва; 2012
ISBN 978-5-389-02688-9

Аннотация

В сборник произведений писателя Ханса Кристиана Андерсена включены сказки разных лет:

- Огниво
- Дюймовочка
- Новое платье короля
- Стойкий оловянный солдатик
- Свинопас
- Гадкий утенок
- Снежная королева
- Дикие лебеди
- Принцесса на горошине

Содержание

Огниво	4
Дюймовочка	15
Новое платье короля	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ганс Христиан Андерсен Сказки

Огниво

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны. На дороге встретила́сь ему старая ведьма – уж такая безобразная: нижняя губа свисала у нее до самой груди.

– Здорово, служивый! – сказала она. – Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот brave солдат! Ну, сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

– Спасибо, старая ведьма! – сказал солдат.

– Видишь вон то старое дерево? – сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. – Оно внутри пустое. Заберись наверх, увидишь дупло, влезь в него и спускайся до самого низа. А перед тем я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса, ты мне крикни, и я тебя вытащу.

– Зачем мне туда лезть? – спросил солдат.

– За деньгами! – сказала ведьма. – Знай, что из дупла ты попадешь в большой подземный ход; в нем горит больше сотни ламп, и там совсем светло. Перед тобой будут три двери, ты можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку: глаза у нее, словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подбеги и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра – ступай в комнату рядом: там сидит собака с глазами, как мельничные колеса! Но ты не пугайся: сажай ее на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота, сколько сможешь унести; пойдешь только в третью комнату. У собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза – каждый с Круглую башню. Вот это собака так собака! Да ты ее не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота сколько хочешь!

– Оно бы недурно! – сказал солдат. – Но что ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь что-нибудь да тебе от меня нужно?

– Я не возьму с тебя ни полушки! – сказала ведьма. – Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

– Ну, обвязывай меня веревкой! – приказал солдат.

– Готово! – сказала ведьма. – А вот мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большой галерее, где горели сотни ламп.

Он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и тарасилась на солдата.

– Вот так молодец! – сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колеса!

– Чего на меня уставилась? Глаза заболят! – сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромные кучи серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром. Затем солдат пошел в третью комнату. Фу-ты, пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две Круглые башни и вертелись, точно колеса.

– Мое почтение! – сказал солдат и взял под козырек. Такой собаки он еще не видывал.

Долго смотреть на нее он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Солдат выбросил из карманов и ранца серебряные монеты и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Ну, наконец-то у него завелись денежки! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

- Тащи меня, старая ведьма!
- Огниво взял? – спросила его ведьма.
- Ах черт, совсем забыл! – сказал солдат, вернулся и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

– Зачем тебе это огниво? – спросил солдат.

– Не твое дело! – ответила ведьма. – Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдавай огниво!

– Как бы не так! – сказал солдат. – Сейчас говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

– Не скажу! – уперлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Ведьма повалилась мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Это был прекрасный город; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда – ведь он теперь был богачом!

Слуга, который чистил приезжим обувь, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим баринном, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

– Как бы ее увидеть? – спросил солдат.

– Этого никак нельзя! – сказали ему. – Она живет в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят.

«Вот бы на нее поглядеть!» – подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и раздавал деньги бедным.

Так он все тратил да тратил свое золото, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки!

Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; никто из друзей больше не навещал его – уж очень высоко было к нему подниматься!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, а у него не было денег даже на свечку; он и вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить по кремню, как дверь распахнулась и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

– Что угодно, господин? – пролаяла она.

– Вот так история! – сказал солдат. – Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещица: я могу получить все, что захочу! Эй, ты, добудь мне деньжонок! – сказал он собаке. Раз – ее уж и след простыл, два – она опять тут как тут, а в зубах у нее большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чудное у него огниво. Ударишь по кремню раз – явится собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два – явится та, которая сидела на серебре; ударишь три – прибегают собаки, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же снова узнали его и ужасно полюбили.

И однажды он подумал: «Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ведь она век свой сидит в медном замке, за высокими стенами и башнями. Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое огниво?» И он ударил по кремню раз – в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

– Теперь, правда, уже ночь, – сказал солдат. – Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минутку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал ее – он ведь был настоящий солдат.

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

– Вот так история! – сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину – она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» – взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и спокойно отправилась домой спать.

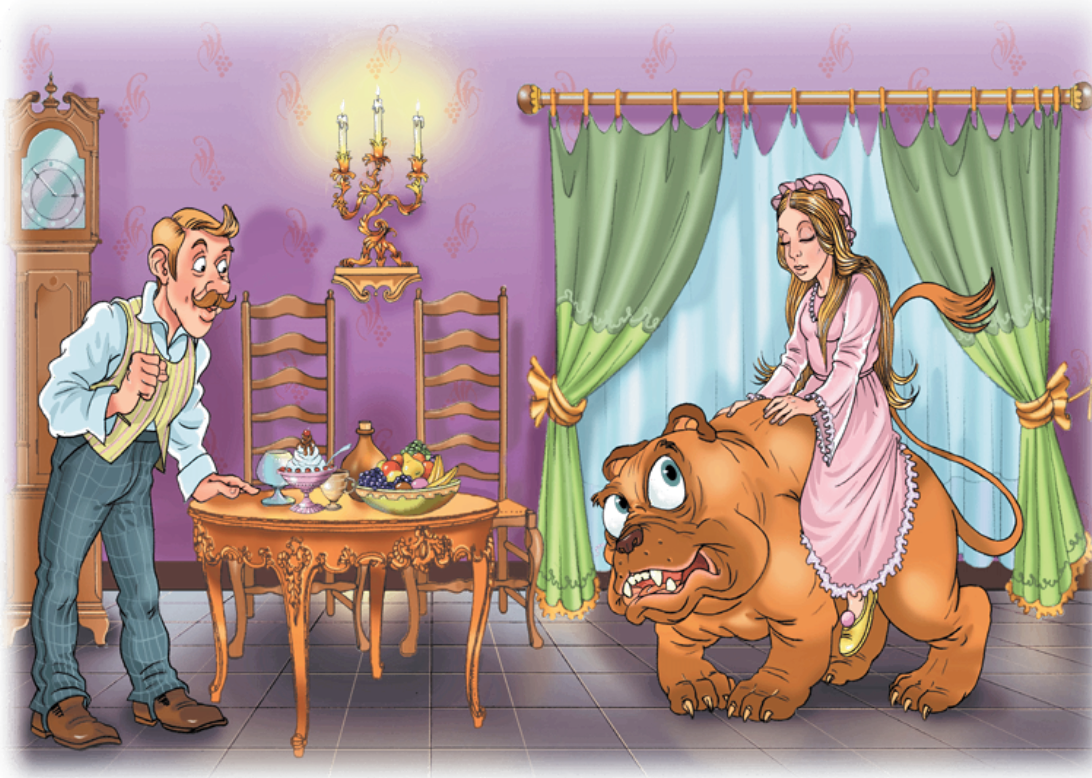
Но собака, когда понесла принцессу назад, увидела этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота – повсюду белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

– Вот куда! – сказал король, увидев первые ворота с крестом.

– Нет, вот куда, муженек! – возразила королева, заметив крест на других воротах.

– Да и здесь крест, и здесь! – зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах развезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки целую штуку шелковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездила принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что даже готов был стать принцем, лишь бы ему жениться на ней.

Собака не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окон солдата, к уда она прыгнула с принцессой.

Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Ух, до чего же там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Невесело было услышать это солдату, а огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку и стал глядеть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко.

– Эй, ты, куда торопишься? – крикнул мальчику солдат. – Без меня ведь дело не обойдется! А вот если сбегашь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и... А вот теперь послушаем!

За городом построили огромную виселицу, вокруг которой стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему вот-вот собирались накинуть веревку на шею, и тогда он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его невинное желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку – это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три – и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как Круглая башня.

– А ну, помогите мне избавиться от петли! – приказал солдат.

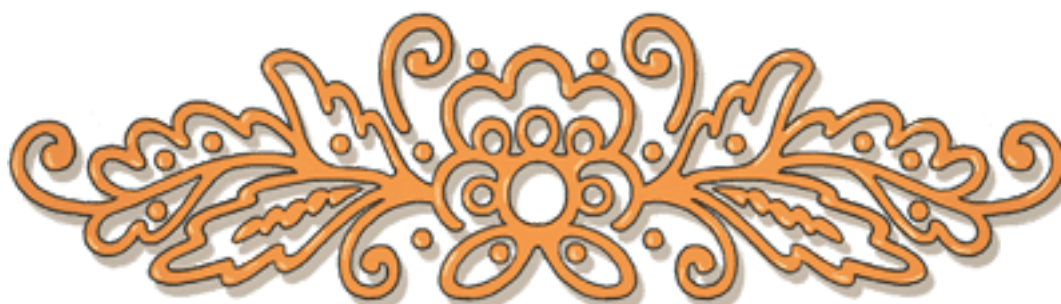
И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: хватали того за ноги, того за нос да швыряли кверху на несколько сажен, и все падали и разбивались вдребезги!

– Не надо! – закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их кверху вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

– Служивый, будь нашим королем и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

Дюймовочка

Жила-была женщина; очень ей хотелось иметь ребенка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

– Мне так хочется иметь ребеночка; не скажешь ли ты, где мне его достать?

– Отчего же! – сказала колдунья. – Вот тебе ячменное зерно; это не просто зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок – увидишь, что будет!

– Спасибо! – сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и тут же из него вырос большой чудесный цветок, очень похожий на тюльпан, но лепестки его были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

– Какой славный цветок! – сказала женщина и поцеловала красивые – красные с желтыми прожилками – лепестки.

Что-то щелкнуло, и цветок распустился. Это оказался настоящий тюльпан, но в самой чашечке на зеленом стульчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, вот ее и прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха служила ей колыбелью, голубые фиалки – матрацем, а лепесток розы – одеяльцем; в эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днем она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а по краям тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нем Дюймовочка могла переправляться с одной стороны

тарелки на другую; вместо весел у нее были два белых конских волоса. Все это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, такого нежного, красивого голоса никто еще не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло вскочила большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула на стол, где спала под розовым лепестком Дюймовочка.

– Вот и жена моему сынку! – сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог он сказать, когда увидел прелестную крошку в ореховой скорлупе.

– Тише ты! А то она проснется да убежит от нас, – сказала старуха жаба. – Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка ее посредине реки на широкий лист кувшинки – это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока приберем там, внизу, наше гнездышко. Вам ведь в нем жить да поживать.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зеленые листья плавали на поверхности воды. Самый большой лист был всего дальше от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала свое жилье тростником и желтыми кувшинками – надо же было приукрасить все для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, чтобы взять прежде всего ее хорошенькую кровать и по-прежнему поставить в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

– Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кровать и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одиношенька на зеленом листе и горько-горько плакала – ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что они говорили, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели ее, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше... Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла мимо красивых берегов, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав ее, пели:

– Какая хорошенькая девочка!

А листок все плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

Прелестный белый мотылек долго порхал во круг нее и наконец уселся на листок – уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать ее, а вокруг было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка

сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук, увидел девочку, обхватил ее за тонкую талию лапкой и унес на дерево, а листок поплыл дальше, и с ним мотылек – он ведь был привязан к листку поясом.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотыльчка, которого она привязала к листку: ему придется теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зеленый лист, покормил ее сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, и жучки-барышни шевелили усиками и говорили:

- У нее только две ножки! Жалко смотреть!
- У нее нет усиков!

– Какая у нее тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! – сказали в один голос все жуки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принес ее, она тоже сначала очень понравилась, но, когда все вокруг стали говорить, что она безобразна, и он не захотел больше держать ее у себя – пусть идет куда знает. Он снова обхватил ее, слетел с дерева и посадил на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели оставить ее у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим созданием: нежная, ласковая, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила ее под большой лопушиный лист – там дождик не мог достать ее. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так миновали лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной холодной зиме. Певушки птички разлетелись, кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка погибала от холода: платьице ее разорвалось, а она была такая маленькая, нежная – замерзай, да и все тут! Пошел снег, и каждая снежинка была для нее то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мерзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью служила маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зернами; кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна – она два дня ничего не ела!

– Ах ты, бедняжка! – сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха. – Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

– Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки – я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

– К нам скоро придет гость, – сказала полевая мышь. – Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живет куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; но ты расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочка пропустила все это мимо ушей: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа – ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришел в гости к полевой мыши. Правда, он носил черную бархатную шубку, был очень богат и учен; по словам полевой мыши, помещение у него было раз в двадцать просторнее, чем у нее, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно – он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот прямо-таки в нее влюбился. Но он не сказал ни слова – он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землей длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мертвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта в землю как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку – в темноте это ведь все равно что свечка – и пошел вперед, освещая длинную темную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мертвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дырку, и в галерею пробился дневной свет. В самой середине галереи лежала мертвая ласточка; хорошенькие крылья были

крепко прижаты к телу, лапки и головка спрятаны в перышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль ее, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своей короткой лапой и сказал:

– Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава богу, что моим детям нечего бояться этого! Ведь птичка только и умеет, что чирикать, – поневоле замерзнешь зимой!

– Да, да, правда ваша, умные слова приятно слышать, – сказала полевая мышь. – Какой прок от этого чириканья! Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не вымолвила ни слова, но, когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки. «Может быть, та самая, что так чудесно распевала летом! – подумала девочка. – Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой хороший ковер, снесла

его в галерею и завернула в него мертвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

– Прощай, моя миленькая птичка, – сказала Дюймовочка. – Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась – внутри что-то стучало. Это забилося сердечко птицы: она не умерла, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в теплые края, а если какая-нибудь запоздает, то от холода она окоченеет, упадет замертво на землю, и ее засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга – птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, – но все-таки собралась с духом, еще больше закутала ласточку, потом сбегала принесла листок мяты, которым укрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, – другого фонаря у нее не было.

– Благодарю тебя, милая крошка! – сказала больная ласточка. – Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылету на солнышко.

– Ах, – сказала девочка, – теперь так холодно, идет снег! Останься лучше в своей теплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила крыло о терновый куст и потому не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края, как упала на землю и... Да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда – не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом – они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнце, ласточка распрощалась с девочкой, и Дюймовочка открыла ей дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, – пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес! Но Дюймовочка не захотела бросить полевую мышь – она ведь знала, что старуха огорчится.

– Нет, нельзя! – сказала девочка ласточке.

– Прощай, прощай, милая добрая крошка! – сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у нее даже слезы навернулись на глаза – уж очень полюбила ее бедная птичка.

– Кви-вить, кви-вить! – прощепетала птичка и скрылась в зеленом лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так все заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

– Летом тебе придется готовить себе приданое! – сказала ей полевая мышь.

Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

– Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чем нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырех пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и все только и болтал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю – а то она прямо как камень стала, – и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер на закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» – думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зеленом лесу!

К осени Дюймовочка приготовила все свое приданое.

– Через месяц твоя свадьба! – сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

– Пустяки! – сказала старуха мышь. – Только не капризничай, а то я укушу тебя – видишь, какие у меня острые белые зубы? У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодарите бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришел за девочкой. Теперь ей придется идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не выходить на солнце – крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распрощаться с красным солнышком! У полевой мыши она все-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше и протянула к солнцу руки:

– Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала ему:

– Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь ее!

– Кви-вить, кви-вить! – вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за противного крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглянет солнышко.

– Скоро придет холодная зима, – сказала ласточка, – и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину – только привяжи себя покрепче поясом, – и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, в теплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

– Да, да, я полечу с тобой! – сказала Дюймовочка, села птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Там было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми красотоми, которые встречались в пути.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, небо стояло выше, а около канав и изгородей рос зеленый и черный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше и дальше, и чем дальше, тем было все лучше. На берегу красивого голубого озера, по среди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнезда. В одном из них и жила ласточка, которая летела с Дюймовочкой.

– Вот мой дом! – сказала ласточка. – А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты чудесно заживешь!

– Как я рада! – воскликнула Дюймовочка и захлопала в ладоши.

Внизу лежали большие куски мрамора – это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, а между ними росли крупные белые цветы.

Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хру-

стальный. На голове у него сияла золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке живет эльф, мальчик или девочка, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

– Ах, как он хорош! – шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему просто чудовищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, – он никогда еще не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел ее Дюймовочке на голову и спросил, как ее зовут и хочет ли она быть его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Вот это муж так муж! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе!

И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльфы – мальчики и девочки – такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки.

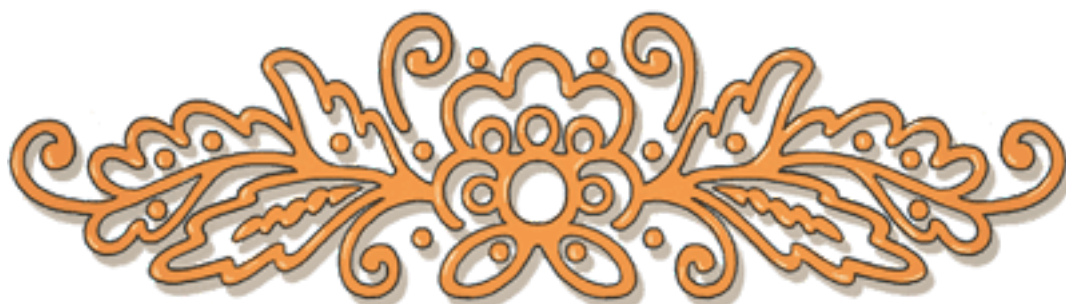
Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! Вот-то была радость!

А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и пела им, как только умела. Но самой ей было очень грустно: она крепко полюбила девочку и хотела бы век не расставаться с ней.

– Тебя больше не будут звать Дюймовочкой! – сказал девочке эльф. – Это некрасивое имя, а ты такая хорошенькая! Мы будем звать тебя Майей!

– Прощай, прощай! – прошептала ласточка и опять полетела из теплых краев далеко, далеко – в Данию. Там у нее было маленькое гнездо, как раз над окном человека, который умеет рассказывать сказки. Ему-то она и спела свое «кви-вить», а от него и мы узнали эту историю.

Новое платье короля

Много лет назад жил-был на свете король: он так любил наряжаться, что тратил на новые платья все свои деньги, а парады, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог там показаться в новом наряде. На каждый час дня у него было особое платье, и как про других королей говорят: «Король в совете», так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице этого короля жилось очень весело: почти каждый день приезжали иностранные гости, и вот раз явилось двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей и сказали, что могут соткать такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и расцветки, она отличается еще удивительным свойством – становиться невидимой для всякого человека, который сидит не на своем месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье! – подумал король. – Тогда ведь я могу узнать, кто из моих сановников не на своем месте и кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее соткут для меня такую ткань».

И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело.

Те поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стеснясь, они требовали для работы тончайшего шелку и чистейшего золота, все это клали себе в карман и просиживали за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как продвигается дело!» – думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... все-таки лучше сначала пошел бы кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости или непригодности своего ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старого министра, – подумал король. – Уж он-то рассмотрит ткань: он умен и как никто другой подходит к своей должности».

И вот старик министр вошел в залу, где за пустыми станками сидели обманщики.

«Господи помилуй! – подумал министр, тараща глаза. – Да ведь я ничего не вижу!»

Только он не сказал этого вслух.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор и краски. При этом они указывали на пустые станки, а бедный министр как ни пялил глаза, все-таки ничего не видел. Да и видеть было нечего.

«Ах ты, господи! – думал он. – Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Упаси господь, кто-нибудь узнает!.. А может, я не гожусь для св о ей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»

– Что ж вы ничего не скажете нам? – спросил один из ткачей.

– О, это премило! – ответил старик министр, глядя сквозь очки. – Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

– Рады стараться! – сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетания красок.

Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить все это королю. Так он и сделал.

Теперь обманщики стали требовать еще больше денег, шелку и золота; но они только набивали себе карманы, а на работу не пошло ни одной нитки. Как и прежде, они сидели у пустых станков и делали вид, что ткут.

Потом король послал к ткачам другого достойного сановника. Он должен был посмотреть, как идет дело, и узнать, скоро ли работа будет закончена. С ним было то же самое, что

и с первым. Уж он смотрел, смотрел во все глаза, а все равно ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

– Ну, как вам нравится? – ухмыляясь, спросили его обманщики, показывая ткань и восхваляя узоры, которых и в помине не было.

«Я не глуп, – думал сановник. – Значит, я не на своем месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать ткань, которую не видел, восхищаясь красивым рисунком и сочетанием красок.

– Премило, премило! – доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.

Наконец и сам король пожелал полюбоваться диковинкой, пока она еще не снята со станка.

С целою свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим не покладая рук на пустых станках.

– Magnifi que!¹ Не правда ли? – вскричали уже побывавшие здесь сановники. – Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок... а краски!

И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

«Что за ерунда! – подумал король. – Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

– О да, очень, очень мило! – сказал в конце концов король. – Вполне заслуживает моего одобрения!

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки, – он не хотел признаваться, что совсем ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза, но видела не больше, чем он сам; и тем не менее все в один голос повторяли: «Очень, очень мило!» – и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной церемонии.

– Magnifi que! Excellent!² – только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге! Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей – всем было ясно, что они старались кончить к сроку новое платье короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят ее большими ножницами и потом шьют иголками без ниток.

¹ Чудесно! (франц.)

² Прекрасно! (франц.)

Наконец они объявили:

– Готово!

Король в сопровождении свиты сам пришел к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, приговаривая:

– Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Легок, как паутина, и не почувствуешь его на теле! Но в этом-то вся и прелесть!

– Да, да! – говорили придворные, хотя они ничего не видели – но ведь и видеть-то было нечего.

– А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! – сказали королю обманщики. – Мы оденем вас!

Король разделся догола, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и наконец прикрепляют что-то на плечах и на талии, – это они надевали на него королевскую мантию! А король поворачивался перед зеркалом во все стороны.

– Боже, как идет! Как чудно сидит! – шептали в свите. – Какой узор, какие краски! Роскошное платье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.